

УДК: 811.161.1.

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.18>

В. М. Грязнова

ИДЕЯ ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЯ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЕЙ И ТЕКСТОВ XVIII–XIX вв.)

Цель статьи – выявить специфику мифологической идеи судьбы и ее выражение в понятиях и в значениях слов, вербализующих ее (на материале толковых и энциклопедических словарей) и в произведениях русской литературы XVIII–XIX вв.). В работе выявляется, что доминантой синонимического ряда, репрезентирующей идею судьбы, является лексема судьба. Анализ содержания данной номинации в значениях, смыслах и образах, представляющих ее в наивной картине мира русского человека, является предметом работы. На основе собранного материала автор показывает, что судьба в названный период, с одной стороны, мыслилась русским человеком как безличная, всемогущая, внешняя и чуждая человеку сила, а с другой стороны, как транслирующая ее волю определенная ипостась божества судьбы. Автор демонстрирует, что семантический компонент 'фатальная неизбежность' мог реализовываться в прагматической части значения определенно-личного имени, входящего в лексико-семантическую группу «судьба», либо как сема 'лишение', что свойственно для слов слепец, безумец, сидень, либо как сема 'приобретение', что свойственно для слов лунатик,

ипохондрик, апоплектик, прихотник, ленивец (результат воздействия непреодолимой, непознанной силы, имеющей своего представителя или исполнителя, транслирующего ее волю). Далее автор выявляет вербализацию в общественном сознании русского человека изучаемого времени обыденных представлений о судьбе как о слепом счастливом случае, дарующем человеку благо, которые выражают веру в существование индивидуализированного божества судьбы, помогающего человеку и, возможно, базируются на древнейших представлениях русских о чуде. В целом анализ материала позволяет сделать автору вывод об этноспецифичности и амбивалентности идеи судьбы в русском общественном сознании XVIII – XIX вв.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, предопределение, судьба, фатализм, счастливый случай.

Для цитирования: Грязнова В. М. Идея предопределения в русской языковой картине мира (на материале словарей и текстов XVIII–XIX вв.). // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 145–151. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.18

Violetta M. Gryaznova

THE IDEA OF PREDESTINATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD (BASED ON DICTIONARIES AND TEXTS OF THE XVIII–XIX CENTURIES)

The purpose of the article is to identify the specifics of the mythological idea of fate and its expression in the concept and in the meanings of words that verbalize it (based on the material of explanatory and encyclopedic dictionaries and in the works of Russian literature of the XVIII–XIX centuries). The paper reveals that the dominant of the synonymic series representing the idea of fate is the lexeme fate. The analysis of the content of this nomination in meanings and images, representing it in the naive picture of the world of the Russian person is the subject of the work. Based on the collected material, the author demonstrates the semantics of impersonal-fatalistic perception of the idea of fate both on the material of literary texts and in the content of definitions of certain personal nouns in the normative dictionaries of the XVIII–XIX centuries. The author demonstrates that the semantic component 'fatal inevitability' could be realized in the pragmatic part of the meaning of a certain personal name included in the lexical and semantic group 'fate', could be implemented in the value of a personal name or as component 'deprivation' that is characteristic of lexemes a blind man, the madman, or as component 'acquisition', which is typical for the words sleepwalker, whimsical, sloth (the result of exposure to a compelling, unknown force,

with his representative or executor, a her will). The author further shows the verbalization in the public consciousness of the Russian people of the time studied of everyday ideas about fate as a blind case that gives a person good, which express the belief in the existence of an individualized deity of fate that helps a person. This understanding of predestination is expressed in a number of contexts in the literature of the XVIII–XIX centuries, as well as in dictionary interpretations of such lexemes as happiness, lucky, happy, in the normative dictionaries of this time, perhaps they are based on the oldest Russian ideas about a miracle. In General, the analysis allows the author to conclude that the idea of fate is ethnospecific and ambivalent in the Russian public consciousness of the XVIII – XIX centuries.

Key words: Russian language picture of the world, predestination, fate, fatalism, lucky chance.

For citation: Gryaznova V. The idea of predestination in the Russian language picture of the world (based on dictionaries and texts of the XVIII–XIX centuries) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (1). P. 145–151. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.18

Значение слова в естественном языке с неизбежностью отражает знания и представления людей, живущих в конкретных исторических, социальных и культурных условиях, об окружающем мире и его оценку. В силу того, что отражение действительности в сознании человека не является зеркальным, а имеет преобразующий характер, его часто называют образно – картина мира. И это активное человеческое начало в отражении мира возможно благодаря языку как компоненту человеческого сознания. Вербальная творческая интерпретация отдельных фрагментов концептуальной картины мира приводит к формированию «языковой картины мира», являющейся важнейшим компонентом нацио-нальной культуры и не совпадающей с концептуальной картиной мира.

Именно отображение, а не отражение действительности в языковой картине мира демонстрирует значимость картины мира для носителя языка: при отображении семантизируются и вербализуются только безусловно значимые объекты, явления и их свойства. Это связано с тем, что языковая картина мира тесно связана с человеческим фактором в языке, т. к. ориентирована на человека. В языке отражаются те черты внеязыковой действительности, которые важны для носителей данной лингвокультуры. Так, анализ русской лексики выявляет этноспецифичные сквозные мотивы, повторяющиеся в значении слов, фразеологизмов и частотных в текстах русской литературы. Это мотивы судьбы, тоски, совести, простора, удали, воли, правды.

В этом аспекте особенный интерес представляет мифологическая идея судьбы, свойственная общественному сознанию русского этноса и его предков на протяжении веков, и ее выражение в значении слов и в произведениях русской литературы. Идея судьбы интересовала ученых разных гуманитарных наук. О ней писали литературоведы, лингвисты, философы, социологи и культурологи: П. П. Гайденко [5]; А. Н. Чанышев [16]; М. Л. Гаспаров [7]; Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов [6]; В. П. Горан [8; 9; 10]; А. Вежбицкая [3; 4]; Е. Е. Левкиевская [12]; М. Семенова [14]; А. Д. Шмелев [17]; А. Ф. Лосев [11]; Г. В. Мальцев [13].

А. Вежбицкая так пишет о важности судьбы для русского национального характера: «... такие понятия, как душа, судьба и тоска, которые постоянно возникают в повседневном речевом общении и к которым неоднократно возвращается русская литература (как “высокая”, так и народная)» [4, с. 33]. А. Д. Шмелев выдвигает особенную точку зрения относительно идеи предопределения: ученый полагает, что слово судьба «соединяет в себе две ключевые идеи русской языковой картины мира: идею непредсказуемости будущего и идею, в соответствии с которой человек не контролирует происходящие с ним события. Только эти идеи присутствуют в понятии судьбы не одно-

временно, а сменяют друг друга, когда решается судьба. Пока судьба еще не решилась, будущее остается непредсказуемым, а человек может изменить свою судьбу и вообще может выступать как творец своей судьбы. Но как только судьба решилась, человек уже не властен над ходом событий, которые уже могут быть с той или иной степенью полноты предсказаны» [17, с. 212].

По мнению ученых, религиозные верования наших предков, древних славян, уже включали идею судьбы. Жизнь человека была предопределена таким женским божеством, как Мокошь (Макошь). Г. В. Мальцев пишет: «Мокошь – богиня счастливого случая, урожая, ночная пряжа, которая вместе с помощницами Долей и Недолей прядет нити, определяя, подобно греческим мойрам и германским норнам, судьбы богов и людей. В виде молодой женщины с распущенными волосами Мокошь ходит по земле и примечает, кто как живет, как соблюдаются обычаи, т. е. законы. Культ Мокоши был распространен у восточнославянских народов» [13, с. 178].

Выявим содержание понятия «судьба» в толковых и энциклопедических словарях XVIII–XIX вв.

По данным словарей XVIII–XIX вв. это понятие вербализовалось следующими лексемами: судьба, жребий, доля, участь, предопределение, юдоль, голгофа, крест, предназначение, провидение, судьбина, фатум, фортуна, часть, что зафиксировано в энциклопедических и толковых словарях: П. Соколова, Сл. Академии Российской 1789–1794 г., Сл. Академии Российской 1806–1822 г., Сл. Академии Российской 1847 г., Сл. В. И. Даля, Сл. Ф. Г. Толля. Доминантой этого ряда определяем номинацию судьба.

В данных словарях можно выделить четыре трактовки понятия «судьба», вербализованного целым рядом квазисинонимических лексем, названных выше:

- 1) 'определение, промысел всевышнего, Божеское, законы и порядок вселенной' (САР–2, ч. 6, с. 478; Словарь Толля, т. 3, с. 709; Сл. Соколова, ч. 2, с. 709; Сл. Даля, т. 4, с. 622);
- 2) 'участь, часть, счастье, состояние' (САР–2, ч. 6, с. 478; Сл. 1847, т. 4, с. 246; Сл. Соколова, ч. 2, с. 709; Сл. Даля, т. 4, с. 622);
- 3) 'жребий, доля' (Сл. Соколов, ч. 2, с. 709; Сл. 1847, т. 4, с. 246; Сл. Даля, т. 4, с. 622);
- 4) 'у древних высшее божество, богиня, Мойра' (Сл. Толля, т. 3, с. 560).

Необходимо указать, что в Сл. Толля описывается история возникновения понятия судьба, вербализованного одноименным словом, характеризуются ее истоки: «Судьба (Fatum), заранее определен ход событий и участи человека. У древн. считалась высшим божеством. Греки называли ее Мойра. У Гомера она не такое непреклонное существо, каким ее представляли римляне, заставляя разбрасывать из урны жре-

бий смертных как придется. Греческая трагедия основана на идее С. или фатализма. В христианстве роль С. заняло провидение». (Сл. Толля, т. 3, с. 560).

Анализ контекстов бытования лексемы судьба как наиболее частотной в приведенном выше синонимическом ряду в различных произведениях XVIII-XIX веков показывает, что судьба, с одной стороны, мыслилась русским человеком как безличная, всемогущая, внешняя и чуждая человеку сила, а с другой стороны, как транслирующая ее волю определенная ипостась божества судьбы. А. Вежицкая полагает, что «оба эти значения выражают одно и то же мировоззрение» [3, с. 92].

В. Г. Белинский так писал о судьбе: «Что же такое эта судьба, которой трепещут люди и которой беспрекословно повинуются сами боги? Это понятие греков о том, что мы, новейшие, называем разумной необходимостью, законами действительности, соотношением между причинами и следствием, словом, – объективное действие, которое развивается и идет себе, движимое внутренней силой своей разумности, подобно паровой машине, – идет, не останавливаясь и не сворачивая с пути, встречается ли ей человек, которого она может раздавить, или каменный утес, о который она может разбиться» [1, с. 18]. У лексемы судьба существует и метонимическое значение ‘неповторимый жизненный путь человека, предопределенный фатально-непреодолимой, неотвратимой силой или определенной ипостасью божества судьбы’, которое в данной работе не рассматривается.

Акцентирование предопределенности судьбы как в широко понимаемом настоящем, так и в будущем, характеристика ее как безличной необходимости, имеющей мифологический божественный характер, тесно связанной с неизбежностью доли, жребия, обусловило фаталистическое восприятие судьбы в сознании русского человека, ее фатальную неизбежность. Так, В. И. Даль в своем толковании слова судьба характеризует ее как «предопределение, неминуемое в быту земном». В. С. Соловьев также акцентирует фатальную неизбежность судьбы: «Есть нечто, называемое судьбой, – предмет хотя не материальный, но тем не менее вполне действительный. Я разумею пока под судьбою тот факт, что ход и исход нашей жизни зависит от чего-то, кроме нас самих, от какой-то превосходящей необходимости, которой мы волей-неволей должны подчиняться» [15, с. 179].

Во многих контекстах функционирования лексемы судьба в художественной литературе XVIII-XIX вв. выявляется семантический компонент ‘фатальная неизбежность’ (примеры извлечены из Национального корпуса русского языка (Электронный ресурс). – URL: <http://www.ruscorpora.ru>). «Уже Игорь вышел из области их; но судьба определила ему погибнуть от своего неблаго-

разумия». [Н.М. Карамзин. История государства Российского: Том 1 (1803 – 1818)]. «Что же судьба сделала с моею чадолюбивою соседкою?» [П.Ю. Львов. Даша, деревенская девушка (1803)]. «Человек не властен в будущем. Судьба решит мой жребий...» [П. А. Плавильщиков. Ермак, покоритель Сибири (1803) // Сочинения Петра Плавильщикова, ч. 1. СПб., 1816, 1816]. «О судьба! ужасны твои потаенные громы!» [А. С. Грибоедов. Студент (1817)] «И пусть лучше судьба сократит жизнь мою, нежели доведет до того, чтобы я был не в состоянии подать иногда бедному несколько копеек». [Ф. В. Булгарин. Прогулка по тротуару Невского проспекта (1824)]. «Судьба сулила, однако ж, дяде моему погибнуть не в Варшаве». [А. А. Бестужев-Марлинский. Вечер на кавказских водах в 1824 году (1830)]. «Судьба уже отмечала лица жертв железным перстом своим». [А. А. Бестужев-Марлинский. Письма из Дагестана (1831)]. «Бесстрастная судьба с ужасною улыбкою на устах мечет банк свой». [А. А. Бестужев-Марлинский. Он был убит (1835–1836)]. «Неужели судьба послала меня в мир для того, чтоб все, что было во мне высокого, принести в жертву ничтожеству?» [И. А. Гончаров. Обыкновенная история (1847)]. «Судьба скоро опять разлучила нас и помешала нашему сближению». [Ф. М. Достоевский. Нечка Незванова (1849)]. «А вы разве тоже думаете, что ничего не значит для мужчины, которого судьба, так сказать, бросала во все концы мира, – что ничего ему не значит встретить женщину, подобную вам, сохраняющую всю... всю эту прелесть молодости, этот... этот ум, эту любезность – *cette grâce*?» [И. С. Тургенев. Провинциалка (1851)]. «Какой это своенравный, неуловимый деятель; а между тем у ней есть своя, строгая, беспощадная логика, сокровенная, загадочная, как самая мысль, не зависящая от нашей воли и потому неизбежная, как судьба». [А. А. Фет. Каленик (1854)].

В словарных дефинициях определенных личных существительных в нормативных словарях XVIII-XIX вв. мы также видим семантизацию безлично-фаталистического восприятия идеи судьбы.

Так, в толкованиях слов слепец, безумец в их прямых значениях находим семантический компонент ‘сверхъестественная сила, лишаящая человека способности видеть, думать, ходить’: 1) слепец ‘лишенный чувства зрения’ (САР–1, ч. 5, с. 584; САР–2, ч. 6, с. 246; Сл. Соколова, ч. 2, с. 1267; Сл. 1847 г., т. 4, с. 152), 2) безумец ‘лишенный ума’ (Сл. 1847 г., т. 1, с. 41), безумец ‘человек, лишенный ума’ (Сл. Даля, т. 1, с. 189), сидень ‘лишенный способности ходить. Говорится о детях, которые долее обыкновенного времени лишены способности ходить’ (САР–2, ч. 6, с. 139; Сл. Соколова, ч. 2, с. 1388), сидень ‘1) дитя, которое долее обыкновенного времени, не получив способности ходить, принуждено сидеть’ (Сл. 1847 г., т. 4,

с. 123). В содержании названных существительных, а именно в прагматическом культурообусловленном компоненте, находится сема 'лишение' как результат действия безличной стихийности, неизбежной и фатальной силы, обладающей абсолютной властью над человеком, извне определяющей жизненный путь человека.

Семантический компонент 'фатальная неизбежность' мог реализовываться в прагматической части значения личного имени как сема 'приобретение' в результате воздействия непреодолимой мифической непознанной силы, имеющей своего представителя или исполнителя, транслирующего ее волю (лунатизм, апоплексия, ипохондрия, подагра): 1) лунатик 'так называются подверженные странному роду болезни, состоящей в том, что они во время глубокого сна, встав, ходят, говорят, пишут и все дела делают...' (САР-1, ч. 3, с. 1330; САР-2, ч. 3, с. 621; Сл. Соколова, ч. 2, с. 1334), лунатик 'человек, подверженный болезни, в которой он, во время глубокого сна, говорит и действует, как наяву, сноброд' (Сл. 1847 г., т. 2, с. 268), апоплексик 'пораженный апоплексией' (Сл. Соколова, ч. 1, с. 19), апоплексик 'пораженный ударом, параличом, расположенный к нему по сложению, природе своей' (Сл. Даля, т. 1, с. 20), 3) ипохондрик 'подверженный ипохондрии' (Сл. Соколова, ч. 1, с. 1052), ипохондрик 'человек, подверженный этому недугу (ипохондрии)' (Сл. Даля, т. 2, с. 351), 4) подагрик 'одержимый подагрой' (Сл. Даля, т. 3, с. 406).

Подобная семантизация содержания лексем лунатик, апоплексик, ипохондрик, подагрик свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в сознании носителя языка XVIII–XIX веков существовало идущее от наших предков убеждение: «болезни являются божественной карой за несправедную жизнь и поступки» [Мальцев, 2018, р. 180].

В определенных словарных дефинициях XVIII–XIX веков мифическая фатальная неизбежность представлена такими отрицательными склонностями человека (прихоти, лень), которые в бытовом представлении не зависят от него, даются ему от рождения, а не приобретаются, воспитываются: ленивец 'кто подвержен, поработен лениности' (САР-1, ч. 2, с. 1355, Сл. Соколова, ч. 1, с. 1340), прихотник 'подверженный прихотям' (Сл. Соколова, ч. 2, с. 886).

В то же время в толковых словарях XVIII–XIX веков существуют и иные дефиниции названных имен, в которых идея фатальной предопределенности: а) вообще не семантизируется или б) совмещается с качественной характеристикой человека:

- а) прихотник 'имеющий много прихотей' (Сл. 1847 г., т. 3, с. 505), прихотник 'прихотливый, у кого много прихотей' (Сл. Даля, т. 3, с. 1196), ленивец 'предающийся лениности' (Сл. 1847 г., т. 2, с. 271), ленивец 'ленивый

человек, праздный, тунеядец, бегающий от дела и труда, вялый, плохой работник' (Сл. Даля, т. 2, с. 722), безумец 'поступающий против здравого рассудка' (САР-2, ч. 1, с. 168), безумец 'вопреки здравому рассудку поступающий' (Сл. Соколова, ч. 1, с. 75), сидень 'кто много сидит, ведет сидячую жизнь // дитя, которое долго не становится на ноги, не ходит...' (Сл. Даля, т. 4, с. 150) – во всех приведенных толкованиях существительные характеризуют человека как носителя признака;

- б) подагрик 'одержимый, страждущий подагрой' (Сл. Соколова, ч. 2, с. 531), перхотун 'человек, подверженный всегдашней перхоте, или привычке к тому сделавший' (Сл. Соколова, ч. 2, с. 460), перхотун 'кто бесперечь перхает, крикает, харкает, у кого всегда першит' (Сл. Даля, т. 3, с. 103), лунатик 'сноброд, человек, одержимый лунатизмом, болезненным состоянием, в которой он, во время глубокого сна или бессознательно, ходит и нередко проказит' (Сл. Даля, т. 2, с. 273) – в представленных дефинициях человек характеризуется двояко: как носитель признака или агенса, б) как объект действия внешней силы ('подверженный перхоте', 'у кого першит', 'одержимый лунатизмом').

Мистические представления носителя русского языка о безличных таинственных силах, управляющих жизнью человека, можно увидеть и в словарных дефинициях нормативных словарей, и в контекстах классической русской литературы. В тексте романа В.Ф. Одоевского «Русские ночи» есть пример, в котором в значении слова слепец средствами контекста актуализируется компонент 'рок, фатум, который лишает человека зрения': «На улице стоял человек, слепой, глухой и немой от рождения, лишь два чувства были оставлены ему природой: обоняние и осязание. Однажды добрый человек подал ему милостыню, слепец почувствовал, что-то была золотая монета» [В.Ф. Одоевский. Русские ночи (1843)].

Вера в судьбу и предопределение была свойственна многим литераторам XVIII–XIX веков: В. А. Жуковскому, П. А. Вяземскому, В.Ф. Одоевскому, А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову. В стихотворении «Валерик» М.Ю. Лермонтов пишет: «Мой крест несу я без роптанья: То иль другое наказание? Не всё ль одно. Я жизнь постиг; Судьбе, как турок иль татарин, За все я ровно благодарен; У Бога счастья не прошу И молча зло переносу».

Высказывания Печорина о фатализме (повесть «Фаталист») неоднозначны: с одной стороны, он отрицает предопределение и смеется над «мировоззрением древних», а с другой, утверждает, что «на лице человека, который должен вскоре умереть, есть какой-то странный отпечаток неизбежной судьбы». А. И. Бродский высказал такую

мысль: «На мой взгляд, без фатализма Лермонтов никогда не занял бы то место в русской литературе, которое он занимает уже двести лет. Лермонтов, конечно, фаталист» [2, с. 26]. В целом вербализацию фаталистического восприятия идеи судьбы в русской картине мира считают специфичной для русского менталитета.

С другой стороны, в ряде словарных толкований в лексикографических изданиях XVIII–XIX веков и в текстах произведений русской литературы находим выражение житейских, обыденных представлений о судьбе как о слепом случае, стихийном стечении обстоятельств в жизни человека, дарующих человеку благо. С таким пониманием предопределения связано представление о существовании индивидуализированного божества судьбы, помогающего человеку. Это словарные дефиниции лексем счастье, счастливцев, счастливый, удачник, удачливый: а) счастливцев 'тот, кому благоприятствует счастье, кто пользуется счастьем' (САР–2, ч. 6, с. 1388), счастливцев 'благоприятствуемый счастьем' (Сл. Соколова, ч. 2, с. 1426; Сл. 1847 г., т. 4, с. 255), счастье 1) 'случайная удача' (Сл. 1847 г., т. 4, с. 255), счастливый 1) 'удачный, успешный', 2) 'благоприятствуемый счастьем' (Сл. 1847 г., т. 4, с. 255), счастье 1) 'случайность, желанная неожиданность, талант, удача, успех, спорина в деле, не по расчету, счастье' (Сл. Даля, т. 4, с. 437), счастливый человек 'кому все удается, удачный, удачливый' (Сл. Даля, т. 4, с. 437), счастливцев 'счастливый человек, удачный, удачливый' (Сл. Даля, т. 4, с. 437); б) удачник 'таланник, кому счастье служит, везет, все удается' (Сл. Даля, т. 4, с. 471),

Контексты бытования названных слов подтверждают такую их семантизацию (примеры извлечены из НКРЯ). «Не всякого полюбит счастье, Не все родились для венцов» (А. С. Пушкин. Жуковскому). «Хаджи-Мурат всегда верил в свое счастье, затеяв что-нибудь, он был вперед твердо уверен в удаче, – и все удавалось ему» (Л. Н. Толстой. Хаджи-Мурат). «Ведь у вас все кости целы. Этаким счастливцем! Ни кости, ни артерии. Да как вы выжили эти трое с половиною суток?» [В. М. Гаршин. Четыре дня (1877)]. «Представим себе теперь человека, с первой минуты появления своего на свет щедро осыпанного всеми благами, которыми только может судьба одарить смертного: знатностью, богатством, удачливостью и т. д. За что бы подобный счастливцев ни взялся, ему успех во всем; чего бы он ни пожелал – все исполняется как по мановению волшебного жезла; пожелай он, кажется, невозможного – и для него сама природа изменит свои законы». [Кондратий Биркин (П. П. Каратыгин). Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий. Книга вторая (1871)]. «Греческий проект», который считается принадлежащим князю, не шутя занимал Екатерину и был пугалом для Европы. Князь считал его впол-

не осуществимым: удачник и баловень счастья думал, что и на это огромное предприятие хватит у России «пушечного мяса». [В. В. Огарков. Григорий Потемкин. Его жизнь и общественная деятельность (1892)]. «Оставалось только перевезти его да заложить фундамент. Галактиону везде везло, – такой уж удачливый зародился. Даже поп Макар одобрял за «благопоспешность». Больше всего Галактион был доволен, что отец уехал на заводы заканчивать там свои дела и не мешался в дело». [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)].

Воплощение идеи судьбы как слепого случайного случая, возможно, базируется на древнейших представлениях русских о чуде: нечто даруется человеку свыше без каких-либо усилий с его стороны (например, такова основная мысль сказки «По щучьему велению»).

Приведем контексты функционирования лексемы судьба в значении 'слепой случай' из художественной литературы изучаемого периода (примеры извлечены из НКРЯ (Электронный ресурс). – URL: <http://www.ruscorpora.ru>). «Большая часть посетителей молча подверглась этому испытанию, так, как прежде подвергалась всем прочим испытаниям, которыми судьба считала за нужное награждать их; впрочем, нашлись и такие, которые явно кричали против грубо пристрастного поступка содержателя». [А. И. Герцен. Кто виноват? (1841–1846)]. «Минуты дороги... вы видите, сама судьба его вам посылает». [М. Ю. Лермонтов. Два брата (1834–1836)]. «Елена Карловна была мила и любезна, Егор Петрович любезен и мил: мудрено ли, что судьба свела их в маленькой зале?» [И. А. Гончаров. Счастливая ошибка (1839)]. «Судьба вторично доставила мне случай подслушать разговор, который должен был решить его участь». [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]. «И тут судьба помогла мне самым неожиданным и странным образом». [А. А. Фет. Дядюшка и двоюродный братец (1855)]. «Судьба явно покровительствовала нашему сближению, потому что в diligencia на этот раз не было никого, кроме двух помянутых старушек с узлами». [И. Л. Леонтьев-Щеглов. Корделия (Страничка жизни) (1889)]. «И судьба, как будто умышленно, покровительствовала ему, все предприятия этого человека носили на себе печать необыкновенного успеха». [А. И. Куприн. Впотьмах (1892)]. «Надо только уметь пользоваться тем, что посылает судьба». [А. И. Куприн. Просительница (1895)]

В ряде произведений русской классической литературы идея судьбы как слепого случая выражена особенно ярко. Это повесть «Выстрел» А. С. Пушкина. Приведем отрывок из нее: «...определился к нам молодой человек богатой и знатной фамилии (не хочу назвать его). Отроду не встречал счастливца столь блистательного! Вообразите себе молодость, ум, красоту, веселость самую бешеную, храбрость самую беспечную, громкое

имя, деньги, которым не знал он счета и которые никогда у него не переводились... <...> Мне должно было стрелять первому, но волнение злобы во мне было столь сильно, что я не понадеялся на верность руки и, чтобы дать себе время остыть, уступал ему первый выстрел: противник мой не соглашался. Положили бросить жребий: первый номер достался ему, вечному любимцу счастья».
[А. С. Пушкин. Выстрел (1830)].

В целом анализ словарных дефиниций и текстов XVIII–XIX вв. показывает, что в русской картине мира судьба представляется, с одной стороны, как высшая сила, фатальная необходимость, предопределяющая все, что происходит в жизни, а с другой стороны, как случайность, слепой случай, стихийное стечение обстоятельств в жизни человека, что находит подтверждение в языке и речи этого времени.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 5. М.: АН СССР, 1954. 863 с.
2. Бродский А.И. Фатализм и повествовательное искусство // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2009. Вып. 20. С. 26–36.
3. Вежицкая А. Судьба и предопределение // Путь. Международный философский журнал. 1994. № 5. С. 82–150.
4. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 411 с.
5. Гайденко П. П. Тема судьбы и представление о времени в древнегреческом мировоззрении // Вопросы философии. 1969. № 9. С. 88–98.
6. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. 2. Тбилиси: издательство Тбилисского университета, 1984. С. 440–1328.
7. Гаспаров М. Л. Поэзия Пиндара // Вестник древней истории. 1973. № 2. С. 211–219.
8. Горан В. П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990. 335 с.
9. Горан В. П. Идея судьбы и проблема категорий необходимости и случайности в раннегреческой философии: автореф. дис. д-ра филос. наук. Л., 1991. 28 с.
10. Горан В. П. Необходимость и случайность в философии Демокрита. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1984. 208 с.
11. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. М.: Астрель, АСТ, 2000. 528 с.
12. Лосев А. Ф. Гомер. М.: Молодая гвардия, 2006. 400 с.
13. Мальцев Г. В. Культурные традиции права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 608 с.
14. Семенова М. Быт и верования древних славян. СПб.: Азбука-классика, 2001. 560 с.
15. Соловьев В. С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. 421 с.
16. Чанышев А. Н. Эгейская предфилософия. М.: издательство МГУ, 1970. 240 с.
17. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
18. НКРЯ: Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (Дата обращения: 21.01.2022).
19. САР–1: Словарь Академии Российской. Ч. 1–5. СПб: Императорская Академия Наук, 1789–1794.
20. САР–2: Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1–6. СПб. При Императорской АН. 1806–1822.
21. Сл. Соколова: Соколов П. Общий церковно-славяно-русский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и русском наречиях употребляемых. Т. 1–2. СПб. В типографии Императорской Российской Академии. 1834.
22. Сл. 1847 г.: Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Т. 1–4. СПб. В типографии Императорской АН. 1847.
23. Сл. Даля: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Москва: Прогресс Универс, 1994.
24. Сл. Толля: Толль Ф. Г., Зотов В. Р. (ред.) Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон). СПб.: издание Ф.Г. Толля. Типография В. Безобразова и Комп., 1866. Т. 3. 1179 с.

References

1. Belinskij V. G. Poln. sobr. soch. (Complete works). Vol. 5. Moscow: USSR ACADEMY OF SCIENCES Publ., 1954. 863 p.
2. Brodskij A. I. Fatalizm i povestvovatel'noe iskusstvo (Fatalism and narrative art) // Vechе. Zhurnal ruskoj filosofii i kul'tury. 2009. Vol. 20, P. 26–36.
3. Vezhbickaja A. Sud'ba i predopredelenie. (Fate and predestination) // Put'. Mezhdunarodnyj filosofskij zhurnal. 1994. No. 5. P. 82–150.
4. Vezhbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie (Language. Culture. Knowledge). Moscow: Russian dictionaries Publ., 1997. 411 p.
5. Gajdenko P. P. Tema sud'by i predstavlenie o vremeni v drevnegrecheskom mirovozzrenii (The theme of fate and the idea of time in the ancient Greek worldview) // Voprosy filosofii. 1969. No. 9. P. 88–98.
6. Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V. Indoeuropejskij jazyk i indoeuropejcy. Rekonstrukcija i istoriko-tipologičeskij analiz prajazyka i protokul'tury. Part 2. (Indo-European language and Indo-Europeans. Reconstruction and historical and typological analysis of proto-language and protoculture). Tbilisi: publishing house of Tbilisi state University, 1984, P. 440–1328.
7. Gasparov M. L. Pojezija Pindara (Pindar's Poetry) // Vestnik drevnej istorii. 1973. No. 2. P. 211–219.
8. Goran V. P. Neobhodimost' i sluchajnost' v filosofii Demokrita. (Necessity and chance in the philosophy of Democritus). Novosibirsk: Nauka, Siberian branch, 1984. 208 p.
9. Goran V. P. Drevnegrecheskaja mifologema sud'by. (The ancient Greek myth of destiny). Novosibirsk: Nauka, Siberian branch, 1990. 335 p.

10. Goran V. P. Ideja sud'by i. problema kategorij neobhodimosti i sluchajnosti v rannegrecheskoj filosofii (The idea of fate and the problem of categories of necessity and chance in early Greek philosophy): thesis. Saint Petersburg, 1991. 28 p.
11. Losev A. F. Gomer (Homer). Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 2006. 400 p.
12. Levkievskaja E. E. Mify russkogo naroda. (Myths of the Russian people). Moscow: Astrel, ACT Publ., 2000. 528 p.
13. Mal'cev G. V. Kul'turnye tradicii prava. (Cultural traditions of law). Moscow: Norma: INFRA-M Publ., 2018. 608 p.
14. Semenova M. Byt i verovanija drevnih slavjan. (Life and beliefs of the ancient Slavs). St. Petersburg: Azbuka-classic Publ., 2001. 560 p.
15. Solov'ev B. C. Literaturnaja kritika (Literary criticism) Moscow: Sovremennik Publ., 1990. 421 p.
16. Chanyshhev A. N. Jegejskaja predfilosofija. (Aegean pre-philosophy). Moscow: MSU publishing house, 1970. 240 p.
17. Shmelev A. D. Russkaja jazykovaja model' mira. (Russian language model of the world). Moscow: Languages of Slavic culture publ., 2002. 224 p.
18. NKRY: Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. (National corpus of Russian language). Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (Accessed: 21.01.2022).
19. SAR-1: Slovar' Akademii Rossijskoj. (Dictionary of The Russian Academy of Sciences). Vol. 1–5. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1789–1794.
20. SAR-2: Slovar' Akademii Rossijskoj, po azbuchnomu porjadku raspolozhennyj. (Dictionary of the Russian Academy of Sciences, in alphabetical order). Vol. 1–6. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1806–1822.
21. Sl. Sokolova: Sokolov P. Obshhij cerkovno-slavjano-rossijskij slovar', ili Sobranie rechenij kak otechestvennyh, tak i inostrannyh, v cerkovno-slavjanskom i rossijskom narechijah upotrebljaemyh. (General Church-Slavonic-Russian dictionary, or Collection of speeches both domestic and foreign, in Church-Slavonic and Russian dialects used). Vol. 1–2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1834.
22. Sl. 1847 g.: Slovar' cerkovno-slavjanskogo i russkogo jazyka, sostavlennyj Vtorym otdeleniem Akademii nauk. (Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Department of the Academy of Sciences). Vol. 1–4. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1847.
23. Sl. Dalja: Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka v 4 t. (Explanatory dictionary of the living great Russian language in 4 vol.). Moscow: Progress Univers Publ., 1994.
24. Sl. Tollja: Toll' F.G., Zotov V.R. (red.) Nastol'nyj slovar' dlja spravok po vsem otrasljam znanija (spravochnyj jenciklopedicheskij leksikon). (Desktop dictionary for reference in all branches of knowledge (reference encyclopedic lexicon)). St. Petersburg: edition by F. G. Toll. Bezobrazov's printing house and Comp., 1866. Vol. 3. 1179 p.

Сведения об авторе

Грязнова Виолетта Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета; e-mail: violetta-sgy@mail.ru

Information about the author

Gryaznova Violetta – Doctor of Science (Philology), Professor, Chair of Russian Language, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University; e-mail: violetta-sgy@mail.ru